нии», перед нами новый жанр скульптуры, отличный от владимиро-суздальского искусства XII в.

Ввиду такого множества черт сходства необходимо отдать себе отчет в том, что здесь является общими «чертами эпохи», что можно считать общим в более конкретно-историческом, «областном» плане и, наконец, что остается общим за вычетом того и другого.

Рис. 3. Рельефные «маски» княжеской гридьбы на капителях Георгиевского собора в Юрьеве-Польском.

К «чертам эпохи», по-видимому, следует отнести все то, что касается вопросов общего стиля. Я имею в виду, конечно, не такие специфически литературные особенности «Моления», как афористичность (впрочем, это тоже «черта эпохи», но не черта всего искусства эпохи) или особенности сугубо личной манеры автора, как например элементы скоморошества, а черты более широкого художественного плана. В первую очередь здесь следует отметить известное освобождение художественного языка (литературного и скульптурного) от средневековых архаизмов. Оно началось во Владимирском летописном своде 1212 г.,[9] продолжено в «Молении» (см.

[9] Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 278—279.